

«НЕ ОТ БЕСОВ ЛИ СИЛА ТВОЯ?»

У Фёдора сила была от рождения. Драться с ним в сельском клубе на танцах решались только заезжие несведущие парни. Сам Фёдор редко начинал задираться, но его вольное и нахальное поведение, в зависимости от количества выпитого, всегда раздражало. Местные уже привыкли, да и Фёдор понимал, кого задирать можно, а кого не стоит; ведь сила силой, а от удара топора по голове из-за тёмного угла она не защитит. Ценили Фёдора местные парни за готовность всегда прийти на выручку, когда на танцы заваливались чужие. Будь-то городские, шабашники или солдаты из ближайшей воинской части. Фёдор не разбирает, кто прав или виноват, кто начал первым – сразу бил чужого.

Придя из армии, Фёдор годик погулял и женился. Работа была вполне доходная – водил местный рейсовый автобус. Все девки, которые могли дать, уже дали. А вот особо приглянувшуюся Анну, на потом оставлять нельзя было, желающих было много. Пришлось побегать. С женой ему и домик достался – крепкий пятистенник. Родители Ани погибли во время лесосплава по вине новых и толком необученных работников, а брат уехал налаживать жизнь в город. Так двадцатилетняя Анна осталась одна в доме, работая почтальоном. Брат на свадьбу не приехал, он уже тяготился деревней. А вот бабушка по отцовской линии на свадьбу не пошла по идейным соображениям – не нравился ей Фёдор:

- Не по Аньке он! Не было в их роду умных! Всё в бычьую силу уходило! Жён били! И этот битый будет!

- Твоя Анька двухснасная! Ещё спасибо скажи, что берём, – кричала ей в ответ бабушка Фёдора по материнской линии.

- Кака ещё двухснасная?!

- А така! Когда она замуж выходила, ещё с прежним хахалем тёрлась!

- Ты чо мелешь, старая дура!

Аня была миленькой и на лицо, и по нраву. Фёдор был лицом нехорош – с крупным носом и рябой. При всей богатырской силе боялся зубного врача, особенно сверлильную машину для пломб. Поэтому первый же заболевший зуб вырвал сам пассивными под водочной анестезией и дезинфекцией, что не добавило красоты его улыбке. Но по непонятной химии любви молодожёны дополняли друг друга и жили в уюте и мире.

Однажды по ранней весне в посёлке началась шумная стройка. К концу лета уже стояла ладная церквушка, устремленная в небо – выше водонапорной башни. По неразумению местные бабки ломанулись в неё помолиться, пока не приехал поп из центра и не объяснил, что эта церковь не та, что надо православным. Церковь оказалась католической! Чего собрались в посёлке делать католики, народ не понимал – на три тысячи жителей была только одна немецкая семья, да и те учителя-безбожники. Стояла без прихожан церковь. Год стояла. Забыли о ней. А на какой-то католический праздник вдруг в церковном дворе действо, а там человек тридцать! Народ и ахнул! Откуда?! Неужто местные?

Русский народ стеснительный. Вот потихоньку тёмными вечерами и заходили «православные» в заморскую церковь. А там их уже ждали. И заходили не старушки, а чаще молодые. Зашла в церковь и Анна по предположению своей начальницы почтовой. Зашла и стала её частью. Фёдор особо не поощрял, но и не мешал – лишь бы его не тянула. Правда, бабушка «предрекала» и не раз.

- Потеряешь жену, дурак! Дитя делайте, чтобы не до глупостей бабе было!

- Да чего ты бабушка?! Ведь в церковь ходит, а не на танцы. Ты тоже в церковь ходила! – отбивался Фёдор.

- Та церковь была наша, и сейчас, когда здоровье позволяет, ежжу в центр. Ты не путай! Христос он один да разный!

- Ну ё-моё, ты же партийной была! И церковь местную сами спалили! А сейчас Христоса вспомнили, партийно-православные, – Фёдор широко улыбался, за удачно связанную мысль.

- Чего улыбишься?! Партийной была по нужде! Много ты понимаешь в нашей жизни, сопля. А церквушка сама сгорела

от молнии. Предрекаю беду тебе, Фёдор, от этой калической церкви! Спасай жену и семью!

Накаркала «партийно-православная»! Анна стала замкнутой. Всё свободное время сидела за чтением церковных книг. Остыла и в постели. Из дома стали пропадать «ненужные вещи». На вопрос, куда делся подаренный ей на Новый год парадно-выходной пуховик, Анна отвечала, что «другим людям он нужнее». Пару раз Фёдор на неё замахивался, один раз сильно треснул, но в её глазах видел, что не выбить ему эту заразу силой. Конечно, бабушка Фёдора не осталась в стороне. Ездил она за консультацией в центр к своему попу. Привозила брошюрки «для заблудшей», но Аня отказывалась их читать. А тем временем «калическая» церковь прирастала новыми прихожанами, потянулся туда и мужик. И проблем в семьях, подобных семье Фёдора, становилось всё больше.

Фёдору приходила мысль пустить красного петуха, но бабушка, услышав такое от подвыпившего внука, демонстративно вскидывала руки к небу и обычно умоляла не идти на смертный грех.

- Вас бабуля не понять! То говорите, что это неправильная бесовская церковь, то не даёте её спалить.

- Тебе, дурья башка, это не объяснить! - Ну да, куда уж мне! У вас же Христос был первым коммунистом!

- И этого тебе не понять! Жизнь проживи! Ума наберись! Потом и рассуждать будешь! – гневалась бабушка, потрясая седой головой.

- А может их этот поп, того там с ними делает? Я слышал от мужиков, что за границей есть такие таблетки для мужской силы, что можно по десятку за ночь ублажить.

- Не под юбку, дурень, он к ним залез, а в голову!

Не убедила бабушка Фёдора про место, через которое залез этот падре. Ведь есть же старая Библия в доме, так ни разу Анна к ней не притронулась. А тут раз и воцерковилась. Застряла в голове Фёдора эта мысль страшная и только ждала повода для выхода. Как-то Анна пришла поздно, около трёх часов ночи. Объяснила, что была занята разгрузкой и упаковкой, пришедшей в церковь «гуманитарки». Фёдор уже не слышал, что она говорит. В его мыслях за время ожидания, пронесли десятки фантазий о сексуальных утехах жены вплоть до свального греха. Он даже подходил к церкви и думал ворваться, чтобы застать врасплох. Но духу не хватало, чтобы увидеть предполагаемое.

Он подошёл к Анне, помог снять пальто. Заглянул в её глаза. Поцеловал в лоб. Крепко взял её за плечи, немного подержал на весу и стукнул о стену. Она даже не вскрикнула. Просто обмякла и повисла на руках Фёдора. Он положил её на кровать. Сел рядом. Посмотрел на свои руки. Внезапно Анна очнулась и тихо сказала:

- Фёдор, Фёдор, Не от бесов ли сила твоя?!

- О чём ты, Аня?! – равнодушно проговорил Фёдор.

Анна больше не говорила. Её глаза застыли. Фёдор посмотрел в них, проглотил ком в горле и вышел из дома.

Церковь горела долго. Пожарные не торопились...

КОГДА ТЕМНЕЕТ

Артемию очень хотелось закрыть глаза и потерять время, но нужно было ещё закончить дешифровку десятка намеченных слов. Авторочка писала всё бледнее, чесалась кожа головы и Артемий с удовольствием скреб её когтями.

Творческие мучения Артемия начались с детского вопроса племянника, который однажды спросил: «Что такое вечер»? Артемий в лингвистике был не силен, так как окончил училище с дипломом электрика и остановился в образовании, если, конечно, не считать чтение развлекательных журналов. Вопрос племянника оказался для Артемия «открывающим». Он открыл для сельского электрика удивительный мир тайн русского языка. Артемий, ответив племяннику, что вечер, это когда темнеет, сам вонзил в свой мозг

занозу. Заноза сразу заныла: «Язык прячет смысл слов! Зачем? Инопланетянину надо будет долго объяснять, как ребёнку, множество непонятных значений. Дело надо срочно поправить, раскрыв скрытое. Нужен словарь понятного языка!». Мысль показалась Артемию настолько оригинальной и простой, что он решил ею ни с кем не делиться, а поразить уже готовым продуктом. Он представлял, как удивится симпатичная библиотечка и красавица-училка русского языка и литературы.

«Словарь понятного русского языка», - максимально аккуратно крупно вывел Артемий на обложке тетради. Замысел был таков, чтобы в алфавитном порядке

раскрыть смысл слов, которыми мы часто пользуемся. К удивлению Артемия на первую прикидку их оказалось не так уж и много. На букву «А» нашлись только: «аборт», «автобус», «авторочка», «армяне», «арбуз» и «афедрон». На «Б»: «библиотека», «бухгалтер», «буханка», «блуд». На

«В» уже дешифрованный «вечер» и «вагонетка», «водка», «варежки», «вобла». Матерные слова Артемий решил не вносить в словарь, дабы не возникли проблемы с изданием. Учтя первый опыт с внезапным воспоминанием нужных слов, начинающий лингвист стал оставлять по пустой странице на каждую букву на случай дополнения. Так было с буквой «Ф», когда по непонятным причинам забылись «феназепам» и «фужайка», а в «С» «скотник», «сосцы», «Сирия» и «синагога». К полному своему удивлению он ничего не нашел на «Ы» и совсем мало на «Ц». Очевидные слова типа «Ага» и «Угу», по мнению Артемия, не требовали расшифровки.

Первые два месяца за увлекательным занятием сильно повлияли на речь Артемия, его ранее бедный язык приобрёл широту и остроумие. Покупая в сельпо водку, он просил «бутылочку белого пьянящего раствора», а, получив зарплату, благодарил за «покупательские бумажки». Заказывая по накладной лампочки, он писал: «50 штук источника света силой на 25», а выключатели обозначались как «разрыватели провода источника света». Особо благодарен за точный синтаксис был завсклада таджик Марат – он никогда не ошибался в заявках Артемия. Он так и говорил: «По-русски только Артёмка разговаривает и пишет. Остальные, как шпионы».

Обкатка новых «мыслеформ», произнесённых вслух и в нужности, заставляли Артемия ещё точнее указывать смысл. Вот, например, водка – «белый пьянящий раствор». В чём ошибка? Водку давно называют «беленькой». А ведь неправильно – она прозрачная! И куда точнее будет: «прозрачный пьянящий раствор».

Были в процессе познания скрытых глубин языка и озарения. Слово «спина» вдруг раскрыло само себя: «спи на» - на чём спать. Хотя Артемий засыпал только на боку и калачиком, но решил, что нельзя мерить смысл слов по себе. Всё новое и новое охватывание родной речи, стало рождать в Артемии писательско-позитический зуд – наклеивался новый жанр. Он его условно назвал «натуралка».

Прозрачный раствор не кружит голову, Меня тянет к слову! Выпить ещё, конечно, здорово! Но надо доить корову, Я накинул фуфайку, Я вышел во двор, Я сел на скамейку, Хватаю сиськи, как вор.

Другой рифмы к «слову» Артемий не нашёл, а «корова» легла хорошо, но разрушала смысл. Натяжка была и с «двор»-«вор». Проявилась и другая проблема – все слова надо расшифровывать.

Прозрачный раствор не кружит верхнюю часть тела, Меня тянет к слову, Залить жидкости еще, конечно, хочется,

Но надо тягать за соски молочное животное,

Я накинул ватную куртку, Я вышел во двор, Я сел на деревянную сиделку,

Хватаю сиськи, как присваиватель чужого.

Но творческий глист продолжал пить соки и не давал покоя. «Чёрт! Чёрт! Ещё ведь надо расшифровывать расшифрованную! Вместо «фуфайки» - «ватная куртка», так. А что такое «куртка», а что такое «раствор» и прочее?!», - стуча кулаками по столу, злился Артемий. С поэзией явно не получалось. Оставалась проза. Но какая к чёрту проза!!! Артемия вдруг пронзила стрела высшего озарения: «Я сумасшедший! Я нарушил обычный ход мыслей! Я в дурдоме! Я гений!..».

ДЕНЬ КОШЕК

Отмышкавав два этажа дома, кошка вернулась в постель к хозяину. Возбравшись на его грудь, она не почувствовала привычного биения сердца и ровного дыхания. Приблизив свой мокрый нос к ноздрям хозяина, она уловила запах убитой мыши. Сообщить о беде было некому: женщина хозяина давно перестала дышать, и её унесли из дома. Какие-то люди иногда приходили, сильно шумели и совали всякую дрянь со стола: «Если кошка не ест, значит, химическое!». Хозяин всегда кормил вкусно и чесал, где надо – понимал кошачью душу. «Вот только зачем он постоянно лишал себя когтей, несмотря на все мои предупреждения?..», – лениво думалось кошке. Ещё ей вспомнились толстые пачки из бумаги, в которые любил подолгу смотреть хозяин, проявляя тёплую нежность: «Мой любимый мокрый носик. А какой у нас животик...».

Утренний свет разбудил кошку. Она лежала на груди хозяина. Обнюхав его лицо, кошка убедилась, что хозяин ещё сильнее стал пахнуть дохлой мышью. На всякий случай она тоскливо помяукала и помяла хозяина с сильным выпуском когтей – на это он всегда ругался.

Вода в поилке и корм быстро закончились. Она несколько раз подходила к источнику воды, которым пользовался хозяин, но на мурлыканье и крики он не реагировал. С кормом оказалось проще, пакеты лежачие в нижней полке кухонного шкафа, при усердии поддавались кошачьим зубам.

Стало холодно и сильно хотелось пить. Кошка решила, что хозяину надо сделать очень больно, и он очнётся, закричит и жизнь пойдёт своим чередом. Она с опаской упёрла лапу в его нос и выпустила когти. За такую игру она однажды была наказана. Хозяин ещё долго не допускал её в постель: «Ты что дура наделала?! У меня была важная встреча! А я с поцарапанным носом!». Она ещё несколько раз выпускала когти, впиваясь в нос хозяина: «Пусть побьёт и поругает. Но лишь бы вернулся...», - думала кошка, прижимая уши и морща мордочку на случай внезапной затрещины.

Жажда и крики о помощи быстро лишили сил. Забравшись под край одеяла, кошка пыталась согреться, впадая в короткие сны. «Скоро она тоже начнет пахнуть дохлой мышью», - обречённо подумалось кошке.

В прихожей зазвонил телефон. Кошка всегда бежала на этот звук, чтобы потереяться о ноги хозяина, пока он разговаривал. Потом что-то пикнуло, и раздался голос: «Папа, сегодня 1 марта День кошек, поцелуй за меня Мусю, завтра заеду...». Кошка узнала этот голос. После него всегда приходила хозяйка голоса, странно пахнущая до щекотки в носу, много тискалась и гладила: «Как жаль, что мне нельзя кошечку! Аллергия у малышки на вашего брата. А я ведь такая кошатица! А ещё я знаю вашу тайну ошарашивания: вы всегда сдержанно улыбаются». От её запаха долго не удавалось избавиться и приходилось спать, закрывая нос лапой.

Муся поняла, что она спасена, и потянулась, дабы проверить, сколько ещё сил в её теле. Из-под двери тянуло холодом, но уходить было нельзя: «Надо будет ей сразу сказать, что хозяин издох, и нет воды. И что ей очень грустно...».

